

За тропиком*)

БЛИЗ Тхай-Нгуэна строится первый в стране металлургический комбинат.

Его называют «Вьетнамской Магниткой». Когда представители комбината приветствовали нас, один из них в своей речи сказал: «Мы строим быстро, но если бы у нас было побольше таких могучих людей, как тов. Жеребцов, то строили б, наверно, быстрее». Чтобы скрыть свое смущение, через переводчика я сказал, что в нашей стране таких сильных людей очень много. Есть и посильнее, например, Юрий Власов. После выступления в народном театре, где присутствовало несколько тысяч строителей, зрители устроили овацию, закончившуюся пением «Гимна солидарности». Впрочем, такая картина наблюдалась нами почти ежедневно.

Выйдя последним из театра, я полагал увидеть улицу пустой, но там и тут стояли большие группы людей. Многие из них сердечно пожимали мне руки. Один из вьетнамцев снял с груди значок с изображением Хо Ши Мина (значок дается особо отличившимся ударникам стройки) и приколол его мне, что-то взволнованно приговаривая.

—Он говорит, что вы, тов. Жеребцов, подаете пример преодоления невозможного,—сказал переводчик.—Говорит, что строить будет еще быстрее и лучше.

Затем переводчик пояснил, что вьетнамец отдал мне самый дорогой для него сувенир. Вообще различными значками артистов советского цирка наделали в каждом городе. Почему-то мне особенно много их прикалывали. Я к концу гастролей ходил, пожалуй, как какой-нибудь заслуженный генерал. С особой бережностью и уважением я носил два

рукой героини сделана трогательная дружеская надпись.

МНОГОВЕКОВОЙ гнев своих и чужих феодалов, тропический климат с его отрицательными для здоровья особенностями не могли не сказаться на физическом состоянии вьетнамского народа. Поэтому здесь умеют ценить здоровье и силу. Мне запомнились слова приветствовавшего нас мэра одного из городов залива Халонг: «При коммунизме люди будут иметь все условия для всестороннего физического и духовного развития. Тов. Жеребцов является для нашей молодежи образцом физического совершенства, присущего для человека коммунизма».

Подобные заявления меня всегда сильно смущали, и я старался затеряться где-нибудь в углу, позади всех. Но с исключительным постоянством они меня отыскивали и усаживали в «красный уголок». Руководитель нашей группы тов. Залевский требовал, чтобы я и его заместитель не отставали от него ни на шаг на приемах: дежурить, чтобы не обидеть приветливых и гостеприимных хозяев. Мэр портового города Хайфонг, второго по величине в ДРВ, в своем выступлении сказал, что «вьетнамцы знали богатырей по легендам и сказкам, а в советском цирке увидели его наяву». Желая всяческих успехов, он подарил мне от имени хайфонгской общины священности вырезанного из кости слона, стоящего у пальмы—символ силы и долготелья. Один из вьетнамцев позже сообщил мне, что такого же слона они подарили и Герману Титову.

МЫ ВЫСТУПАЛИ для детей, для рыбаков, шахтеров и крестьян, для металлургов, солдат и портовых рабочих. Маршрут цирка был определен самим Хо Ши Мином. Кстати сказать, он устроил официальный прием артистам советского цирка, на котором очень просто и душевно побеседовал и сфотографировался с нами, пожелал советским артистам всяческих успехов. Прием состоялся ранним утром, в 6 часов 55 минут, так как рабочий день президента, как и у всех вьетнамцев, начинается в 4 часа 30 минут утра.

Вспоминается выступление одной из воинских частей. К нашему приезду бойцы подготовили цирковую манеж. Зрителей собралось более 25 тысяч. Они заняли места на склонах природного котлована еще за два часа до нашего прибытия. Мелкий дождик к началу спектакля перешел в тропический ливень. Командование предложило нам перенести спектакль.

Но разве можно было это сделать, когда зрители в ожидании нашего выступления проявили небывалое терпение! И мы начали свою программу. Удачно выступили все артисты. Пришла моя очередь. Мокрые гири и штанги вырвались из рук, ноги скользили по полу, но все трюки были выполнены. И когда я спрыгнул с аппарата вниз, многочисленная толпа бойцов хлынула на арену, подняла меня на руки и начала качать, а потом понесла на руках.

Как известно, в этих местах в обилии водятся змеи. Опушенный на ноги, я на секунду закрыл глаза и вдруг почувствовал, что мои ноги что-то начинает острожно обвивать. «Удав! Кобра!»—мелькнуло в голове, и я, схватившись за ногу, поймал.., руки солдат, протодушно ощущавших мои мускулы. Далеко за полночь раздавались восклицания: «Ленсо! Ленсо! Богатырь Николай Жеребцов!»

Расставаясь, бойцы просили передать самый сердечный привет великому борцу за мир Никите Сергеевичу Хрущеву, министру обороны тов. Малиновскому и всем братьям—«ленсо».

29 марта вице-президент ДРВ вручил нашему коллективу орден Труда первой степени и от имени правительства поблагодарил нас за образцово проведенные выступления.

Наступил день отъезда. Перрон был набит битком провожающими. Среди них были руководители Общества советско-вьетнамской дружбы и другие официальные лица. При прощании не обошлось и без слез. Плакали вьетнамцы-униформисты, сопровождавшие нас во время гастролей по городам ДРВ, артисты вьетнамского цирка. Переводчица-вьетнамка, прощаясь с нашими девушками, рыдала навзрыд и бежала за поездом, все пожимая руки.

До границы Китая нас сопровождали представитель Общества советско-вьетнамской дружбы тов. Лю и переводчик, наш всеобщий любимец тов. Ан. Последний, когда расставался, так расстроился, что, обнимая руководителей нашей группы, разрыдался. Желая его рассмешить, я поднял обнимающихся друзей и перенес на другое место. Загудели гудки, и Ан вышел из вагона. Поезд тронулся с места.

Мы увозили с собой волнующее ощущение большой, искренней любви и дружбы вьетнамского народа к нашей Родине.

Н. ЖЕРЕБЦОВ,
экс-рекордсмен СССР, артист цирка.

Николай Анатольевич Жеребцов
Август 7.3.62
ВКН
В.И.И.И.И.

значка—ударника и партизанский, единственные в нашей группе.

Как волнующую реликвию, храню я и фотографию вьетнамской партизанки, героически сражавшейся в отрядах сопротивления На пей

*) (Окончание)